

АНКЕТА «ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДИЙ»

1. Какими были Ваши мотивы обращения к творчеству Гоголя?

2. Самое большое Ваше удивление-открытие при изучении творчества Гоголя?

3. Какие направления исследования творчества Гоголя Вам представляются перспективными сегодня?

Александр Киченко

1. Спецсеминар по творчеству Гоголя под руководством Галины Игоревны Масальской определил все причины и мотивы! Это было ярко, глубоко и очень интересно. Между прочим, попасть на этот пир было не просто. Я успел записаться, ибо за всем, как оказывается, пристально следила судьба в лице той же Галины Игоревны.

В том весеннем семестре я прочитал книгу Бахтина о Рабле, «Поэтику Гоголя» Ю. Манна, биографию Пушкина и комментарий к роману «Евгений Онегин» Ю. Лотмана. И началось!..

2. Уникальность художественного мышления, основанного на предчувствии и прозрении. Удивительная спрессованность культурного материала, ощущение глубины текста, его архетипных истоков.

Начиная свои занятия творчеством Гоголя, я ничтоже сумняшеся поставил перед собой две задачи. Для начала найти фольклорный источник «Вия», а затем на материале этого источника, других гоголевских фольклорных образов и сюжетов (того же «Вия», «Вечеров») реконструировать утраченные элементы славянской мифологии («реконструкция элементов славянской мифологии» – просто, скромно и со вкусом!). В кандидатской диссертации эта идея так и сформулирована, наивно, но конкретно, как может выражаться только максималистски настроенное научное отрочество.

Фольклорного источника «Вия», разумеется, я так и не нашел (зато теперь понимаю, почему его нет и быть не может), а реконструкция мифологической образной структуры на материале авторского литературного сюжета и вовсе оказалась научной фантастикой. Но отроческий максимализм не прошёл даром: Гоголь заставил меня более внимательно и осторожно оценивать специфику фольклорных сюжетно-образных форм и наличествующих в них мифологических элементов, определять степень различия мифа, фольклора и

литературы как особенных, самодостаточных культурных систем. Примечательно, что все попытки интерпретации культурных функций мифологии и фольклора часто можно «сверять» с Гоголем, мир которого оказывается очень «вместительным», интуиция – непревзойденной, образное воплощение – уникальным, с точки зрения внутренних ресурсов, используемых автором. Ощущение такое, что у Гоголя всё идёт в дело, но при этом нет ничего лишнего, материал плотно уложен и отшлифован. Таково качество работы гения.

3. В гоголеведении сегодня открывается множество перспектив. Не всё, оказывается, ясно с текстологией, в области которой ещё возможны открытия: на последней гоголевской конференции в ИМЛИ оживлённое обсуждение вызвал доклад Г. В. Самойленко о недавно найденном списке второго тома «Мёртвых душ». Текстология, закономерно, влечёт новое штудирование гоголевской поэтики, системы контекстуальных, генетических и типологических, связей. По-прежнему мало разрабатывается интереснейшая проблема «Гоголь и XVIII век».

Но главное, хочется дождаться завершения (несомненно, успешного) двух издательских проектов: «Полного собрания сочинений и писем в 23-х томах» (Москва) и «Зібрання творів Гоголя в 7-ми томах» (Київ). Эти издания, на мой взгляд, ярко демонстрируют все достижения и проблемы современного гоголеведения.